

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 103–109. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 103–109. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.316)“19”

EDN NKBBOF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-103-109>

ЯРМАРОЧНАЯ ПРОСТИТУЦИЯ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Карандашев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Аннотация. В статье анализируется социокультурный феномен ярмарочной проституции как элемента городской повседневности в период Ростовской ярмарки во второй половине XIX в. На основе неопубликованных архивных материалов установлен социальный состав проституток и их хозяек, маршруты передвижения и особенности организации полицейского надзора в период торга. Рассмотрены личные истории содержательниц борделей и публичных женщин. Определено значение Ростовской ярмарки как одного из заметных региональных центров индустрии коммерческих интимных услуг Центрально-промышленного района в начале второй половины XIX в. Большинство пришедших публичных женщин и их содержательниц происходили из низших слоев общества. Проститутки-одиночки из близлежащих населенных пунктов находились в наиболее тяжелом материальном положении. Ограничение легального въезда проституток на ярмарку привело к росту тайной проституции и распространению венерических заболеваний. К концу XIX в. Ростовская ярмарка утратила значение крупного российского торгового пункта, интерес к ярмарке со стороны приезжих содержательниц домов терпимости угас.

Ключевые слова: Российская империя, Ростовская ярмарка, повседневность, проституция, дом терпимости, полиция.

Для цитирования: Карандашев Г.В. Ярмарочная проституция в Ростове Великом во второй половине XIX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-103-109>

Research Article

FAIR PROSTITUTION IN ROSTOV VELIKY IN THE 2ND HALF OF THE 19TH CENTURY

Gleb V. Karandashev, PhD in History, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia, karandashev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7499-9254>

Abstract. The article analyses the state of supervised prostitution during the annual Rostov Fair in the 2nd half of the 19th century. Based on a wide range of historical sources, including unpublished archival materials, the social composition of prostitutes and their mistresses, the routes of movement and the specifics of the organisation of police surveillance during the bargaining period was established. The personal stories of brothel keepers and public women are considered. The significance of Rostov Fair as one of the notable temporary centers of the commercial intimate services industry in the Central Industrial Region at the beginning of the 2nd half of the 19th century is determined. Most of the visiting public women and their keepers came from the lower strata of society. Single prostitutes from nearby settlements were in the most difficult financial situation. The restriction of the legal entry of prostitutes to the fair had led to an increase in clandestine prostitution and the spread of sexually transmitted diseases. By the end of the 19th century, Rostov Fair had lost its significance.

Keywords: Russian Empire, Rostov fair, everyday life, prostitution, house of tolerance, police.

For citation: Karandashev G.V. Fair prostitution in Rostov Veliky in the 2nd half of the 19th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 1, pp. 103–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-1-103-109>

Проблема мобильности проституции в России заинтересовала отечественных исследователей во второй половине XIX в. Врачи, изучавшие распространение венерических заболеваний, общественные деятели и активистки женского движения в этом отношении пристальное внимание уделяли ярмаркам, особенно Нижегородской, куда из разных регионов империи съезжалось «множество проституток и даже домов терпимости, в полном их составе» [Кузнецов: 259]. Девушек, проживавших в близлежащих селениях, практиковать временную проституцию толкала бедность. Приезжая на ярмарки, они пытались «путём продажи, если не своих трудовых рук, то хоть своего тела пополнить тяготеющий над ними дефицит» [Коллонтай: 138]. В течение остальной части года эти женщины занимались кустарным производством, работали в качестве прислуги или выполняли различные сельские и домашние обязанности [Иванова: 177–178].

В современной российской историографии анализ ярмарочной проституции в XIX в. получил дальнейшее развитие. На основе архивных источников были рассмотрены пути передвижения, этнический и социальный составы проституток, а также особенности организации предоставления интимных услуг в период Нижегородской ярмарки [Абакумов]. Рынок продажной любви методично развивался в Сибири, где посещение широко известной Ирбитской ярмарки осуществлялось целыми борделями, что подтверждено материалами переписи населения 1897 г. [Брюханова: 907]. Для жительниц окрестностей ярмарочная проституция также являлась важным источником дохода. Во время торгов наблюдалось увеличение количества гостиниц и различных увеселительных заведений, где женщины работали в качестве прислуги и артисток. В этих учреждениях могли предоставляться услуги нелегальной проституции [Кончаковская: 70–71]. Одним из самых прибыльных направлений на подобных торжищах был трактирный бизнес, который, кроме продажи спиртных напитков, часто выполнял функции публичного дома [Мочалова: 248].

Феномен ярмарочной проституции в Российской империи, за исключением Нижнего Новгорода, остается малоизученным. В этом отношении внимания заслуживает знаменитая Ростовская ярмарка, которая с конца XVIII в. имела всероссийский статус и считалась одной из крупнейших в стране. Долгое время уездный город был обязан ей «почтеннейшим значением в целой системе торговых городов Российской империи, обеспечением содержания бедных жителей и цветущим состоянием городских доходов»¹.

Источниковая база работы представлена делопроизводственными документами, хранящимися в Государственном архиве Ярославской области и его ростовском филиале, значительная часть из которых

вводится в научный оборот впервые, материалами дореволюционной периодической печати, а также справочно-статистической литературой. Хронологические рамки исследования составляют период с 1850-х гг. до конца XIX в. Первые официальные сведения о наличии «развратного поведения женщин» в Ростове относятся к 1847 г.², а легальная ярмарочная проституция зафиксирована в полицейских отчетах с начала 1850-х гг.³. В связи с декриминализацией продажной любви в 1843 г. публичные женщины могли законно бывать на ярмарке с середины 40-х гг. XIX в. Конец XIX в. обусловлен постепенным угасанием ростовского торгового и, как следствие, потерей к нему интереса со стороны пришлых «жриц любви». Известные «вальпургиевы ночи отошли здесь уже в область преданий и если и сохранились, то разве в Нижнем да на Ирбитской ярмарке»⁴.

До 1840-х гг. «ярмарочная торговля шла бойко и обороты ее доходили до 10 млн. р.; ярмарка начиналась со среды первой недели великого поста и кончалась на четвертой». В связи с развитием прямых поставок сырья и «проведением железной дороги, ростовская ярмарка постепенно стала падать»⁵. Коммерсантов с каждым годом съезжалось все меньше⁶, а сама она «стала напоминать скорее продолжительный, в несколько дней базар, чем ярмарку»⁷. Несмотря на то, что в 60-е гг. XIX в. Ростовская ярмарка утратила прежний статус, значение крупного местного рынка за ней сохранилось до начала XX в. [Грудцына: 176].

В условиях отсутствия интенсивной общественной активности, когда, по словам местного корреспондента, в Ростове верхние слои населения развлекались лишь игрой в карты и гастролировавшим цирком, а простой народ имел в своем распоряжении одни кабаки и трактиры⁸, ежегодный торг оказывал заметное влияние на социально-экономическую и повседневную жизнь города. Последние четыре дня Масленицы сменялись в Ростове двумя днями Великого поста, а на третий, с поднятием ярмарочного флага, наступала «еще более пьяная, разгульная, бесшабашная ярмарка», на время которой пост забывался⁹. В воскресенье открывались балаганы, из ближних сел съезжались крестьяне, которыми «ярмарка и гостиницы кишат до позднего вечера». Вторая неделя обычно проходила «в бойкой торговле». Официально торг заканчивался на третьей неделе в воскресенье, но фактически все продолжалось еще несколько дней¹⁰. Городское самоуправление, состоявшее в основном из купечества, также было полностью поглощено торговлей, которая отодвигала прочие насущные проблемы на задний план¹¹. На этот период в поисках заработка в Ростов стекались девушки легкого поведения и в значительной мере увеличивали контингент местных проституток.

Правительству было известно о распространении проституции на Ростовской ярмарке, хотя местная администрация вплоть до легализации так называемого непотребства всячески пыталась отрицать данное явление. 15 августа 1824 г. граф А.А. Аракчеев запрашивал ярославского губернатора А.М. Безобразова в связи с тем, что «до сведения государя императора дошло, что в Ростове на ярмарке распутные женщины имеют там особые помещения и таким образом жилища их открыты для разврата. Его императорскому величеству угодно узнать: справедлив ли сей слух, и если оное действительно существовало, то отчего было сие допущено. Сведение сие прошу Ваше Превосходительство доставить ко мне для доклада Его Величеству. Но в то же время Государь император высочайше повелевает, дабы с вашей стороны приняты были деятельные ваши меры к искоренению на ярмарке разврата»¹².

Губернатор Безобразов, ссылаясь на рапорт ростовского полицмейстера Симановского, доносил, что «публичных домов для развратных женщин в Ростове на ярмарке никогда не бывало, как и отвода для помещений таковых, и что как ярмарка бывает во время великого поста, то самое благоговение народа к великим сим делам охраняет благочестие». Полицейское начальство обещало, что, если «на будущее время малейшее подобное зло замечено будет, к искоренению оного усугублю всю меру строжайшей бдительности и отнюдь существования оного допущено не будет»¹³.

С легализацией проституции содержательницы домов терпимости из различных городов и губерний стали официально доставлять своих подопечных. При выезде проститутки получала проходное свидетельство, а ее документы пересылались полиции той местности, куда она ехала. Полиция согласовывала данные перемещения, оформлялись специальные документы.

В марте 1853 г. ярославская вдова У.П. Шапошникова обратилась с просьбой к ростовскому городничему, титулярному советнику Д.А. Чашникову, с просьбой открыть бордель в доме мещанина Павлова на Лазаревской улице. У Шапошниковой уже имелось публичное заведение в Ярославле. Для рассмотрения своей просьбы она приложила следующие документы: свидетельство, выданное полицмейстером Ярославля на содержание борделя; список публичных женщин, находившихся у нее; копию правил, утвержденных министром внутренних дел 29 мая 1844 г., касающихся содержания борделей. При Шапошниковой находились 9 проституток: А. Фирфилова «из дворян романовского уезда», солдатские дочери С. Карпова, О. Андреева, К. Блинова и А. Григорьева, солдатские жены М. Журина, М. Данилова и М. Заваржина, мещанская дочь М. Золтова. Все женщины поступили

к ней в феврале накануне ярмарки, их вольные грамоты (за исключением Фирфиловой, которой она не требовалась) хранились у полицмейстера.

Точно такое же прошение и документы направила ростовская мещанка Д.А. Яркова, также имевшая дом терпимости в Ярославле. С ней приехали 9 публичных женщин: прусская подданная А. Лау, рижские мещанки А. Гринберг и Е. Кременицкая, ярославские мещанские девицы А.В. Доброхотова, П.Ф. Савельева, А.А. Богомолова, Е.И. Попова, дворовая девка П. Федорова и солдатка А. Балакирева¹⁴.

Ярославский полицмейстер, подполковник Измайлов, сообщил об этом ростовскому городничему, указав, что 18 публичных женщин отправились на ярмарку вместе с содержательницами Ярковой и Шапошниковой, имея только медицинские билеты. Паспорта были приложены к рапорту, и полицейский чиновник просил по возвращению женщин из Ростова выслать документы назад.

В 1854 г. У.П. Шапошникова и Д.А. Яркова вновь привезли в Ростов каждая по 10 проституток. Ярославская полиция выдала им свидетельства, где говорилось, что к их отъезду на Ростовскую ярмарку со стороны ведомства не было препятствий. Также в доме Павлова на Лазаревской улице на период торговли открыла бордель с 4 публичными женщинами солдатская вдова О.С. Михайлова¹⁵.

Кроме того, 22 февраля 1854 г. в Ростов прибыла калужская мещанская вдова А.И. Шапошникова и также пожелала открыть бордель на Лазаревской улице в доме Павлова. При ней находились 5 проституток: А.П. Хахарева – мастеровая девка Ардатовского уезда, по паспорту, выданному из московской казенной палаты, А. Бурмакина – вольноотпущенная дворовая девка госпожи Котуховой, по отпускной, выданной 15 июня 1853 г., А. Лау – прусская подданная, К. Иванова – пошехонская мещанская девица, М. Александрова – крестьянская девица¹⁶.

В 1855 г. был выдан документ «из Ярославской Градской полиции содержательнице в городе Ярославле бордели здешней мещанке Христине Кузьминой Новожиловой том, что к отъезду ее в Ростовскую ярмарку с нижепоименованными, находящимися в бордели ее, публичными женщинами; со стороны полиции нет препятствий». С Новожиловой отправились 4 проститутки: «Анна Гринберг приписная к городу Миттаве Курляндской губернии, Александра Михайлова крестьянская девица Костромского уезда вотчины князя Мещерского села Соли-Малой, Наталья Никифорова вольноотпущенная дворовая девка от помещика Хомутова, имеет отпускную данную 10 ноября 1852 года и засвидетельственную в ярославской палате гражданского суда, и Марья Андреева Жулина солдатка». 25 февраля 1855 г. ярославская полиция сообщила ростовским властям, что дозволи-

ла Новожиловой вместе с 4 публичными женщинами, «имеющими особые узаконенные вид и медицинский билет», проследовать на ярмарку. Свидетельства и виды Новожилова обязана была по прибытии предоставить в местную полицию¹⁷.

На руки публичные женщины получали документ с записью следующего характера: «Билет. Дан сей из Костромской Константиновской части вольноотпущенной от г. Поповой дворовой девке Татьяне Андроновой Лихачевой для проживания в городе Ростове в течение одного месяца считая от написанного числа. Приметами она: росту среднего, волосы и брови светло-русые, нос и рот средние, подбородок круглый, лицо чистое от роду имеет шестнадцать лет особых примет не имеет. Состоит в числе публичных женщин г. Костромы февраля 23 дня 1854 года частный пристав»¹⁸.

В архиве сохранились свидетельства на следование публичных женщин из Москвы в Ростов. В 1853 г. в адрес ростовского городничего Д.А. Чашникова последовало оригинальное объявление от московской мещанской девицы М. Александровой: «Проживая в городе Москве я одним нечаянным для меня случаем вовлечена была в слабость сообразную женскому полу; по этому самому и вовлечена в разряд публичных женщин. Ныне желая исправиться и совсем отбросить свои слабости с этим непоколебимым намерением и прибыла в город Ростов для снискивания себе пропитания способами неукоризненного мастрества; именно шитьем женских уборов и платьев. Объяснив о сем Вашему Высокоблагородию покорнейше прошу освободить меня от зачисления меня по городу Ростову в число публичных и учинить со своей стороны распоряжение о наблюдении за поведением моим. Квартиру я имею в Кремле города Ростова в доме, каменном принадлежащем ростовскому Успенскому девичьему монастырю»¹⁹. На подобное решение могло повлиять общение девушки с настоятельницей и монахинями Рождественского женского монастыря, где она сумела найти убежище [Виденеева: 13].

В 1870 г. Ростовскую ярмарку посетили содержательницы публичных домов из Нерехты – мещанка А.К. Волкова с 7 публичными женщинами, из Ярославля – жена отставного унтер-офицера Е.Д. Лелина с 10 проститутками и солдатская вдова У.С. Арсеньева с 7 проститутками, также в феврале поступило 2 заявления на открытие борделей²⁰. А в 1874 г. в Ростов на время ярмарки прибыли:

1. Из Владимира с дозволения владимирского полицейского управления «содержательница публичных женщин» владимирская солдатка А.А. Кулейн с 8 проститутками и А.М. Котовой с 6 проститутками.

2. Из Нижнего Новгорода с разрешения нижегородского полицмейстера содержательница Шварц

с 9 проститутками, 2 из которых являлись прусскими подданными.

3. Из Иваново-Вознесенска солдатская вдова У.С. Арсеньева с 9 публичными женщинами на Лазаревскую улицу в дом Сорокина.

4. Из Ярославля З. Воробьева и 10 проститутки на Успенскую улицу в дом Черноглазова²¹.

Подобные артели перемещались с ярмарки на ярмарку. Ежегодно на период торгового года с конца июля по август Нижний Новгород был самым популярным местом притяжения распутных женщин со всей России. Существовала своеобразная логистика подобного наполнения. Первая партия проститутки регулярно прибывала из Киева, Вильно, реже – из Варшавы. Вторая группа приезжала из Москвы, в том числе после Ростовской ярмарки в Ярославской губернии. Третий набор использовал водный путь и следовал по Волге из Рыбинска, Ярославля, Костромы, Казани и других городов. Значительная часть гулящих женщин приходила пешком, маскируя свой основной род занятий под мелкое предпринимательство и торговлю вразнос, одновременно подбирая клиентов [Абакумов].

Случалось, что продажа публичных женщин становилась семейным бизнесом. Бытовой конфликт упомянутой хозяйки домов терпимости Ярковой с мужем раскрыл некоторые подробности такой коммерции. 2 декабря 1855 года ростовский мещанин Петр Ярков в ходатайстве архиепископу Ярославскому и Ростовскому Нилу сообщал о том, что с Дарьей Осетровой (в девичестве) он вступил в брак в 1851 г., который первоначально был успешным. Однако со временем женщина начала пренебрегать семейными обязанностями, «ослабевать в супружеской верности» и «совершенно предалась развратной жизни». Она даже открыла публичный дом в Ярославле, «приняв к себе несколько женщин равного достоинства». Ярков, «мучимый постыдной участью жены, помня данное при браке обещание быть верным мужем», обратился к Высокопреосвященству с просьбой «принять законные духовные меры» для прекращения её распутной жизни, чтобы вернуть себе душевное спокойствие.

Яркова активно выступила в свою защиту, назвав обвинения в свой адрес клеветой. То, что она содержала публичных женщин (с согласия мужа и разрешения властей), не могло служить доказательством подозрительного поведения. Она, в свою очередь, указывала на развратную жизнь мужа. До бракосочетания небольшое имение Яркова «было описано и опечатано и он не имел никаких средств к содержанию себя». Не желая «жить в разврате», все свадебные расходы она покрыла сама, а после отдала ему еще 700 р. ассигнациями. Позднее по просьбе женщины игуменьи ростовского девичьего монастыря сдала им в аренду постоялый двор, где она

занималась всеми хозяйственными делами. Однако через два месяца муж отказался от этого дела, «ему стало скучно собирать доход по мелочам». В 1852 г., несмотря на возражения жены, Ярков принудил её взять «вольных девок». В Ярославле он снял дом у Петровского и открыл в нем бордель, «став тут полным хозяином, распоряжаясь и заведовая всем до такой степени, что содержимые тогда девицы не смели отказывать ему в его любодейных требованиях, в чем я его лично и неоднократно заставляла и за что неоднократно и шибко им бита бывала»²².

По информации полиции в 1852 г. контракты на наем квартиры № 85 в доме Петровского и № 136 в доме мещанина Диева были заключены ростовским мещанином Ярковым совместно с женой. В 1853 г., после Ростовской ярмарки, куда выезжало семейное предприятие, Ярков ездил в Москву с мещанкой А. Пастуховой для набора девушек в бордель. Завербовав 5 проституток, он также привез с собой музыканта К. Люкандера, жителя Гельсингфорса²³.

5 апреля 1858 г. полиция сообщила, что Ярков проживал вместе с престарелой матерью в доме мещанина Диева в Ярославле, где имел публичное заведение. Яркова «по желанию его отправлялась на ярмарку в город Рыбинск с одной частью девиц, а с другою он оставался и хозяйничал в Ярославле». Однажды «у него в бардели померла девка Анна Гринберг и он похитил и растратил её имущество; потом у него взят был с покраденными деньгами дворянин Дмитрий Зуев; о чем представлены сведения в полицию»²⁴.

30 июля 1859 г. в Ярославской духовной консистории жена Яркова «была увещиваема к совокупному сожитию с мужем своим». Однако она заявила, что из-за жестокого обращения не согласна жить с ним. По справке полиции на 25 августа 1860 г. Ярков проживал в своем доме в Рыбинске, а Яркова – в Ярославле²⁵.

21 января 1876 г. ростовское полицейское управление сообщало, что «во время ростовской ярмарки бывающей в продолжении трех недель Великой Четырехдесятницы из разных городов, как то Москвы, Владимира, Нижнего-Новгорода и Ярославля, приезжают содержатели и содержательницы публичных домов и часто бывают случаи что пьяными проститутками с посетителями во время совершения в церквях богослужения производится крики и разного рода безобразия даже на улице кроме сего в этих домах бывает притон разного рода и нередко происходят кражи». Полицейское управление Ростова, по согласованию с губернатором, просило полицию указанных городов «не присылать виды на проститутку», так как было решено не открывать публичных домов. Проституткам выезд на Ростовскую ярмарку был запрещен. Московский врачебно-полицейский

комитет «определил проституткам желающим в настоящем году выехать в г. Ростов на время ярмарки не выдавать на проезд пропусков», а власти Нижнего Новгорода заявили, что «на время предстоящей ярмарки никакие письменные виды проституток полицмейстером высылаться в ростовское полицейское управление не будут»²⁶.

После запрещения легально работать в Ростове в период ярмарки проститутки приезжали тайно. Часть из них задерживали. 25 февраля 1876 г. ростовский пристав рапортовал: «Доставил в полицейское управление двух девиц вольного обращения, костромскую мещанку Авдотью Алексееву и Романово Борисоглебскую мещанку Авдотью Павлову – взятых мною из дома отставного унтер офицера Якова Серюнкова». Женщины не имели паспортов, проживали в Ярославле и состояли в «разряде публичных женщин; приехали в Ростов для разврата»²⁷.

Со стороны содержательниц публичных домов стали поступать прошения о возмещении ущерба. Нижегородская купчиха А. Шварц и солдатка А. Кулелина заявляли: «В течении многих лет до настоящего на время Ростовской ярмарки законтрактовали мы в г. Ростове недвижимые имущества для открытия домов терпимости, таковыми контрактами обязались и на следующую ярмарку в 1876 году, ввиду которой сделали значительные денежные издержки на различные приготовления. На днях получили от ростовского уездного исправника предварение, что домов терпимости во время ярмарки открывать не будет дозволено»²⁸.

9 января 1879 г. жена отставного унтер-офицера И. Петрова и вдова унтер-офицера З. Воробьева сообщали, что они более десяти лет содержали в Ярославле «с разрешения полицмейстера дома терпимости и во все это почти время ежегодно ездили на Ростовскую ярмарку, около же трех лет, как въезд в г. Ростов на означенную ярмарку, неизвестно нам по какой причине воспрещен». Ссылаясь на положительную репутацию своих заведений, где «никаких происшествий, ни предосудительных проступков не было», они просили разрешить только им двоим вести бизнес в Ростове. Данное предложение власти не поддержали²⁹. 27 августа 1880 г. в ростовское уездное полицейское управление поступило прошение костромской мещанки М.В. Маловой об открытии дома проституток. Оно было оставлено без последствий, так как Малова не нашла квартиру для его открытия³⁰.

3 февраля 1881 г. поступило повторное ходатайство от И.И. Петровой об открытии борделя. Содержательница вновь получила отказ в связи с тем, что «в прошлом было постановление о неоткрытии новых домов терпимости». В городе к этому времени началась дискуссия об учреждении легальных борделей. 7 февраля 1881 г. ростовский городской врач

отмечал, что «пять лет тому назад бывший уездный исправник Недовесков неизвестно мне по каким личным причинам не стал допускать во время ярмарки домов терпимости. Распоряжение это принесло весьма печальные результаты, отражающиеся ежегодно на здоровье иногороднего приезжающего и люда, а именно: не зная куда обратиться для удовлетворения потребности они обращаются куда попало, так как в городе Ростове ни одного публичного дома нет, а женщины занимающиеся проституцией расселились по всему городу и окрестным слободам и на время ярмарки появляются таковые вновь из местных проституток кроме одиночек приезжающих из других городов которые прямо рассчитывают на большой заработок тайным промыслом». Кроме того, из-за тайной проституции выросло количество заболевших сифилисом, поэтому Петровой следовало разрешить открыть публичное заведение на период ярмарки.

24 февраля 1881 г. городской пристав согласился удовлетворить просьбу Петровой, так как «1) за неимением в г. Ростове публичного дома, явные и тайные развратные женщины расходятся по всему городу, что мешает правильному за ними медико-полицейскому надзору, а потому невольно должны развиваться любострастные-венерические болезни, 2) приезжающие на ярмарку весьма часто в первый раз не зная города, для удовлетворения естественной для каждого человека потребности, отправляются куда попало и в случае совершения при этом какого-либо преступления – потерпевший не может указать где был не только дома, но даже улицы, что при расследовании преступления ставит полицию в затруднительное положение»³¹.

С этого времени при условии, что помещение осмотрено полицией, проститутки освидетельствованы, все правила исполнялись, иногородним содержательницам домов терпимости снова разрешили открывать бордели на время Ростовской ярмарки. Прошения Петровой открыть публичный дом как в 1882 г., так и в следующем 1883 г. были поддержаны. Такое же разрешение получила содержательница дома терпимости Н. Пучкова, имевшая бордель в Ярославле на ул. Пошехонской³².

Таким образом, во время Ростовской ярмарки власти пытались поддерживать регулируемую систему содержания публичных женщин. Проститутки получали медицинские билеты и проходные свидетельства, а содержательницы легализовывали свой бизнес на период торга. В начале второй половины XIX в., в первые недели великого поста (февраль – март), Ростовская ярмарка выступала популярным направлением в трафике российской проституции, своеобразным логистическим центром, куда традиционно съезжались хозяйки борделей с публичными женщинами из близлежащих губерний, а затем про-

должали свой путь в другие торговые и многолюдные места. Частыми гостями были содержательницы и проститутки из Ярославля, Москвы, Костромы, Нижнего Новгорода, Владимира, Иваново-Вознесенка – крупных городов Центрально-промышленного района. Как и хозяйки борделей, некоторые девушки приезжали ежегодно.

Проститутки-одиночки в основном добирались в Ростов из городов Ярославской губернии и близлежащих селений и также ограничивались временным пребыванием в городе, порой тайным образом. Большинство публичных женщин происходили из низших слоев общества, и многие из них находились в стесненном материальном положении. Индивидуальные истории женщин демонстрировали, что некоторые проститутки стремились изменить свою судьбу. Они обращались к властям и окружению с просьбами о помощи. Другие сюжеты показывали важную роль семейных связей в процессе втягивания в индустрию интимных коммерческих услуг.

В течение нескольких лет администрация воспрещала открытие публичных домов в Ростове, что привело к развитию нелегальной проституции и распространению венерических заболеваний. С возобновлением выдачи разрешений на работу публичных заведений внимание у индустрии коммерческого секса вновь вызывало временное открытие борделей на период торга. К концу XIX в. Ростовская ярмарка утратила значение крупного российского торгового узла, а в исторических источниках перестал фиксироваться интерес к ярмарке со стороны содержательниц домов терпимости.

Примечания

¹ Хранилов И.И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. Москва, 1859. С. 58.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 73. Оп. 3. Д. 796. Л. 27–31.

³ Государственный архив Ярославской области Ростовский филиал (ГАЯО РсФ). Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–34.

⁴ Северный край. 1900. № 65. 10 марта.

⁵ Иванов Д.А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912. С. 34–35.

⁶ Северный край. 1904. № 53. 27 февр.

⁷ Северный край. 1903. № 53. 26 февр.

⁸ Северный край. 1989. № 67. 11 февр.

⁹ Северный край. 1900. № 53. 27 февр.

¹⁰ Северный край. 1899. № 78. 22 февр.

¹¹ Северный край. 1900. № 94. 12 марта.

¹² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1807. Л. 1.

¹³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1807. Л. 1–4.

¹⁴ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–6.

¹⁵ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 29–34.

¹⁶ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

- ¹⁷ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.
- ¹⁸ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.
- ¹⁹ ГАЯО РсФ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
- ²⁰ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–18.
- ²¹ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–20.
- ²² ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 1103. Л. 1–8.
- ²³ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 1103. Л. 33.
- ²⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 1103. Л. 30.
- ²⁵ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 1103. Л. 67–76.
- ²⁶ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 3203. Л. 1–11.
- ²⁷ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.
- ²⁸ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 3203. Л. 7.
- ²⁹ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 241. Л. 87–88.
- ³⁰ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 241. Л. 238–239.
- ³¹ ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 241. Л. 279–286.
- ³² ГАЯО РсФ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 241. Л. 297–298, 330, 410.

Список литературы

Абакумов О.Ю. Сексуальные ритмы нижегородской ярмарки // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2016. Т. 1. С. 98–105.

Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Проституция в городах Тобольской губернии в зеркале переписи 1897 г. // Былые годы. 2023. № 18 (2). С. 903–914.

Виденеева А.Е., Грудцына Н.В. «Мир и клир»: ростовское духовенство на Ростовской ярмарке // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 10–16.

Грудцына Н.В. К вопросу о месте и значении Ростовской ярмарки во всероссийской торговле и в экономике города // История и культура Ростовской земли. 2008. С. 173–182.

Иванова З.М. Тяжелое экономическое положение женщин как причина проституции // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торговлей женщинами и его причинами. Санкт-Петербург, 1911. Т. 1. С. 171–179.

Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. Санкт-Петербург, 1909. 431 с.

Кончаковская Н.Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.

Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России: Историко-стат. исследования. Санкт-Петербург, 1871. 268, 76 с.

Мочалова А.А. Нижегородская ярмарочная полиция в свете реформ второй половины XIX века // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 245–249.

References

Abakumov O.Yu. *Seksual'nye ritmy nizhegorodskoj jarmarki* [Sexual rhythms of the Nizhny Novgorod fair].

Jekonomicheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee [Economic psychology: past, present, and future], 2016, vol. 1, pp. 98–105. (In Russ.)

Brjuchanova E.A., Chekryzhova O.I., Nezhenceva N.V. *Prostitucija v gorodah Tobol'skoj gubernii v zerkale perepisi 1897 g.* [Prostitution in the towns of the Tobolsk province in the mirror of the 1897 census]. *Bylye gody* [The old days], 2023, № 18 (2), pp. 903–914. (In Russ.)

Grudcyna N.V. *K voprosu o meste i znachenii Rostovskoj jarmarki vo vserossijskoj trgovle i v jekonomike goroda* [On the question of the place and significance of the Rostov Fair in the All-Russian trade and in the economy of the city]. *Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli* [History and culture of Rostov land], 2008, pp. 173–182. (In Russ.)

Ivanova Z.M. *Tjazheloe jekonomicheskoe polozhenie zhenshhin, kak prichina prostitucii* [The difficult economic situation of women as a cause of prostitution]. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshhinami i ego prichinami* [Proceedings of the First All-Russian Congress on Combating Trafficking in Women and its Causes]. Saint Petersburg, 1911, vol. 1, pp. 171–179. (In Russ.)

Kollontaj A. *Social'nye osnovy zhenskogo voprosa* [The social foundations of the women's issue]. Saint Petersburg, 1909, 431 p. (In Russ.)

Konchakovskaia N.B. *Prostitutsiia v gorodskoj povsednevnosti Permskoi gubernii v kontse XIX - nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Vestnik of Perm University], 2020, no. 2 (49), pp. 67–79. (In Russ.)

Kuznecov M.G. *Prostitucija i sifilis v Rossii: Istoriko-stat. issledovaniia* [Prostitution and syphilis in Russia: Historical statistics. Researches]. Saint Petersburg, 1871, 268, 76 p. (In Russ.)

Mochalova A.A. *Nizhegorodskaja jarmorochnaja policija v svete reform vtoroj polovin XIX veka* [Nizhny Novgorod Fair Police in the light of the reforms of the second half of the 19th century]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 3 (27), pp. 245–249. (In Russ.)

Videneeva A.E., Grudcyna N.V. *«Mir i klir»: rostovskoe duhovenstvo na Rostovskoj jarmarke* [Rostov clergy at the Rostov Fair]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2010, no. 1, pp. 10–16. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.12.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 29.12.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.